

ставить цензуру особенно тщательно рассматривать произведения, которые там предполагалось опубликовать. В итоге от этого пострадал Бутков.

Интересно, что издание про молодого автора не забыло и в ноябре откликнулось на выход первого тома «Петербургских вершин» отдельной статьей, а в конце номера поместило рекламу этой книги. Буткова в рецензии хвалят за «яркие краски», «глубокое чувство и много психической наблюдательности», за то, что его герои не карикатурны и возбуждают сочувствие, а язык автора «везде правилен, разговорен и приятен».²⁴ Рассказы Буткова, по мнению автора статьи, «имеют некоторое сходство с физиологиями, очерками нравов, с книгой „Наши“».²⁵ Этот положительный отзыв с краткой характеристикой автора, обширными цитатами из разбираемых произведений и рекомендациями для публики ранее не рассматривался исследователями, например, его нет в списке откликов на произведения Буткова, который приведен в словарной статье о нем И. С. Чистовой. Но эта рецензия важна при попытке восстановить творческую траекторию Буткова. Мы считаем, что «Литературная газета» обратила на него внимание по старой памяти, редакция была знакома с произведениями писателя, напечатать их у себя не смогла, но положительный отзыв все равно дала. Это происходит еще и на фоне полемики издания с «Северной пчелой»,²⁶ значит, «Литературная газета» не считает Буткова представителем болгарского лагеря.

Важно еще другое: история общения Буткова и Краевского традиционно начинается с рас-

каза о том, как редактор купил для начинающего литератора рекрутскую квитанцию в 1847 году, об этом вспоминают осведомленные современники, например Белинский.²⁷ Версий, как они могли познакомиться, мемуаристы не оставили, а исследователи не выдвигали. Мы предлагаем свою: Краевский запомнил Буткова летом 1845 года как раз из-за казуса с «Биткой», заинтересовался его творчеством и в итоге привел его в «Отечественные записки». По замечанию Г. П. Талашова, это было в те годы обычной практикой для двух его изданий, «круг авторов и сотрудников „Литературной газеты“ практически совпадал с кругом авторов и сотрудников „Отечественных записок“».²⁸

Таким образом, зафиксированная в исследовательской литературе связь Буткова с «Северной пчелой» и «Отечественными записками» — во многом результат его действий летом 1845 года, когда он пытался напечататься хоть где-нибудь и отправил свои произведения минимум в два издания. Вариант с «Северной пчелой» был удачным, с «Литературной газетой» — нет, не исключено, что из-за собственных проблем издания и повышенного внимания к нему цензуры. Но у попытки опубликоваться в «Литературной газете» для Буткова был другой результат. Именно так о нем мог узнать Краевский и потом привести его в свои «Отечественные записки». История Буткова может служить примером литературных траекторий молодых писателей 1840-х годов, которые вступали в литературу, не зная всех деталей и особенностей уже идущего полемиического процесса, а также цензурных проблем того или иного издания, и поэтому их творческие судьбы во многом определялись случайностью и совпадением внешних факторов.

²⁴ Литературная газета. 1845. № 45. С. 742.

²⁵ Там же. Имеется в виду альманах А. П. Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими» 1841 года.

²⁶ См.: Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. С. 98–125.

²⁷ См.: Белинский В. Г. Полн. собр. соч.: В 13 т. М., 1955. Т. 12. С. 418.

²⁸ См.: Талашов Г. П. «Литературная газета» 1840–1845 годов. С. 137.

DOI: 10.31860/0131-6095-2024-4-238-241

© О. А. Лекманов

«ЗАПИСКИ ПОКОЙНИКА» М. А. БУЛГАКОВА: К ГЕНЕЗИСУ ЗАГЛАВИЯ

18+ Настоящий материал (информация) произведен и (или) распространен иностранным агентом Лекмановым Олегом Андершановичем либо касается деятельности иностранного агента Лекманова Олега Андершановича

Хотя юмористическим журналам «Сатирикон» и «Новый Сатирикон» посвящено несколько обстоятельных научных работ,¹ раз-

дел «Почтовый ящик» этих журналов, устроенный по образцу одноименного раздела в юмо-

¹ См., например: Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М.,

1968; Николаев Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореф. дис. ... канд.

ристическом журнале «Стрекоза» (1875–1908), специального и подробного внимания исследователей пока не привлекал.

Между тем «Почтовый ящик» «Сатирикона», а затем «Нового Сатирикона» пользовался столь большой популярностью у читателей, что празднованию пятилетнего юбилея этого раздела был целиком посвящен 10-й номер «Нового Сатирикона» за 1913 год. Ассоциировался «Почтовый ящик», прежде всего, с именем Аркадия Аверченко, который, несомненно, и был инициатором появления этого раздела в журнале. Впервые подборка «Почтовый ящик» появилась в № 9 «Сатирикона» за 1908 год, знаменательно совпав с дебютом Аверченко в качестве главного редактора (в предыдущих восьми номерах редактором числился художник Алексей Радаков). В течение следующих одиннадцати лет («Новый Сатирикон» был закрыт в августе 1918 года) почти в каждом номере печатались ядовитые ответы редакции журнала незадачливым авторам и виртуозно подобранные микроцитаты из их произведений, присылаемых в «Сатирикон», а с 1913 года — в «Новый Сатирикон». Большинство ответов было подписано псевдонимом «Ave», которым Аверченко всегда пользовался в качестве ведущего этого раздела.

Саша Черный свидетельствовал в статье «Памяти А. Т. Аверченко»: «Почта приносила в „Сатирикон“ со всех концов России груды рукописей (вернее сказать, «ногписей»). Оглушительно-нелепые цитаты, смешившие всех в „почтовом ящике“, не сочинялись шутки ради самим редактором, как казалось многим. Сотни и сотни акцизных и почтово-телеграфных графоманов заваливали своими корявыми куплетами и набросками редакционный стол. Аверченко все сам читал, молниеносно процеживал, натякал несчастных авторов, как жуков, на булавки своего юмора, двумя-тремя словами распылял на последней странице и хоронил на дне редакционной корзинки».²

Сквозной просмотр всех номеров «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» продемонстрировал, что среди тех, кому Ave и другие редакторы «Почтового ящика» отказывали в праве публиковаться в журнале, были не только «акцизные и почтово-телеграфные графоманы», но и несколько прославившихся в дальнейшем прозаиков и поэтов. Назовем здесь имена восемнадцатилетнего Валентина Катаева (вердикт Ave из «Почтового ящика» в № 29 «Нового Сатирикона» за 1915 год: «Вал. Катаеву. — Одесса. — <...> Все присланное не подошло»); восемнадцатилетнего же Михаила Слонимско-

го (приговор Ave в № 3 за 1915 год: «Мих. Слонимскому. — Не подходит, конечно»);³ будущего участника бакинского «Цеха поэтов», девятнадцатилетнего Юрия Дегена (Ave в № 31 за 1915 год: «...не подошло»); а также приобретшего позднее скандальную известность омского писателя Антона Сорокина (ему отказом ответил сначала Н. Д. в «Почтовом ящике» в № 28 «Сатирикона» за 1910 год, а затем и Ave в № 31 «Нового Сатирикона» за 1915 год).

Справедливости ради необходимо констатировать, что Ave в «Почтовом ящике» не только бранил неудачливых авторов, но и хвалил, хотя гораздо реже, тех, в чьих стихах и рассказах он обнаруживал проблески таланта. Приведем здесь, пожалуй, самую комплиментарную его реплику из раздела «Почтовый ящик» (№ 30 «Сатирикона» за 1909 год), обращенную, впрочем, не к потенциальному автору журнала, а к его вдумчивому читателю: «Крепкое вам спасибо за письмо о „Сатириконе“. Такие читатели насчитываются десятками, но они дороже тысяч. Многие приняли к сведению».

Будущим исследователям подробное изучение материалов «Почтового ящика» «Сатирикона» и «Нового Сатирикона» может помочь при раскрытии сразу нескольких тем, ключевых для истории русской литературы начала XX столетия. Едва ли не самая интересная и малоразработанная из них — это эволюция восприятия авторами не модернистами и читающей публикой в целом поэзии и поэтики русских модернистов.

Так, в «Почтовом ящике», помещенном в № 19 «Сатирикона» за 1908 год, Ave уличил некоего Л. К. — на со станции Дебальцево в плагиате у Федора Сологуба: «...это стихотворение принадлежит перу Федора Сологуба и выкрадено вами из старых приложений к „Ниве“».

В № 35 за 1909 год Ave издевательски намекнул на скандал с порчей книг в библиотеке Румянцевского музея поэтом-символистом Эллисом. В газетном отчете об этом шумевшем инциденте рассказывалось так: «На днях в читальном зале библиотеки Румянцевского и Публичного музеев обнаружено злоупотребление с книгами одного из постоянных посетителей библиотеки, некоего литератора Л. Кобского, писавшего в декадентских журналах под псевдонимом „Эллис“. Этот посетитель из выдаваемых ему книг для чтения вырезал страницы текстов и брал себе».⁴

³ Отметим, между прочим, что один из адресатов «Почтового ящика» «Сатирикона» избрал себе псевдоним, как бы предсказывающий название того литературного объединения, в котором Слонимский будет состоять после революции — «Брат Серапион» (1908. № 33).

⁴ Русские ведомости. 1909. 5 авг. Цит. по: Глуховская Е. А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1. С. 138. В статье Глуховской подробно изложены и проанализированы

филол. наук. М., 1993; Дьякова Е. Писатели-сатириконицы: Аркадий Аверченко, Тэффи, Саша Черный // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1; Брызгалова Е. Творчество сатириконицев в литературной парадигме Серебряного века. Тверь, 2006.

² Саша Черный. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 3. С. 387.

Аверченко, посвятивший скандалу с Эллисом фельетон «Крайние течения», в «Почтовом ящике» обыграл идентичность фамилии очередного своего корреспондента с настоящей фамилией Эллиса — Кобылинский: «Москва. Ко-му. — Это настолько нехорошо, что напечатать это в книге, положите перед Московским Эллисом и он — не вырвет ни листочка».

В № 39 «Сатириконе» за 1909 год Аве попросил И. Д. из Петербурга больше не присылать пародий на одно из самых известных стихотворений Константина Бальмонта: «Пародию на „Хочу быть смелым, хочу быть дерзким“ мы получали от разных лиц раз десять. Я тоже хочу быть смелым и скажу раз навсегда:

— Один раз хорошо, а десять — смертельно скучно.

И хочу быть дерзким:

— Не присылайте таких слабых стихов».

Затем настал черед футуристов, которых очень много высмеивали в «Новом Сатириконе», в том числе и сам Аверченко. Однако к адресатам сообщений «Почтового ящика» Аве был строг и в этом отношении. В № 23 журнала за 1913 год Аверченко ясно дал понять потенциальным авторам «Нового Сатириконе», что печатать пародии на стихи и манифесты представителей футуризма он не намерен: «Еще раз повторяем — футуристы надоели»; даже если эти пародии будут забавными: «Кое-что в одной пародии на футуристов недурно, но сами футуристы так ничтожны, что пародировать их — много чести» (1914. № 2).

Тем не менее взгляды главного редактора «Нового Сатириконе» не только на творчество символистов, но и на стихотворную продукцию футуристов очевидным образом эволюционировали. Простейшее доказательство: с февраля 1915-го по март 1917 года в «Новом Сатириконе» регулярно печатался Владимир Маяковский.

Не покушаясь здесь на детальный и затрагивающий разные темы обзор и анализ раздела «Почтовый ящик» журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон», мы далее сосредоточимся на достижениях вполне конкретной и скромной цели — указании на возможный источник заглавия неоконченного романа Михаила Булгакова «Записки покойника» (1936–1937) и обосновании нашей гипотезы. Этим источником, на наш взгляд, могла послужить одна из заметок Аве-Аверченко в «Почтовом ящике» «Нового Сатириконе».

В связи с булгаковским заглавием уже вспоминали про переизданные в 1932 году в Советском Союзе «Замогильные записки» В. С. Печерина, чье название дублирует название знаменитых «Замогильных записок» («Mémoires d'outre-tombe») Р. де Шатобриана, а также про сочинение знакомого Э.-Т.-А. Гофмана — Генриха фон Пюклера-Мускау, которое в русском переводе получило длинное название «Предпоследнее странствование Семилассо по свету: сны и сущность, извлечение из бумаг по-

наиболее существенные обстоятельства, связанные с этим скандалом.

койника», а в оригинале по-немецки называлось гораздо короче и энергичнее — «Briefe eines Verstorbenen» («Письма покойника»). Во втором томе «Указателя заглавий художественных произведений» содержатся сведения о «Записках покойного Колечкина» Ф. Дершау и «Записках покойного Якова Васильевича Безлова» И. Грузинова.⁵

Однако заглавия Печерина, Шатобриана, Пюклера-Мускау, Дершау и Грузинова примерно будет называть лишь синонимами заглавия романа Булгакова. А вот в выпуске «Почтового ящика», помещенном в № 23 «Нового Сатириконе» за 1915 год, обнаруживается очередной ответ Аве очередному автору-неудачнику, в котором встречается название произведения этого автора, совпадающее с заглавием будущего булгаковского романа дословно: «Москва. Автору „Записок покойника“. <...> — Не подошло».

Здесь самое время упомянуть, что «Новый Сатирикон» и помещавшиеся в нем тексты Аверченко по воспоминаниям сестры Булгакова Надежды Афанасьевны Булгаковой-Земской были настольным чтением в его семье в Киеве в 1910-е годы: «Мы выписывали „Сатирикон“, активно читали тогдашних юмористов — прозаиков и поэтов (Аркадий Аверченко и Тэффи)». ⁶ Более того, имеется свидетельство, что как раз тексты Аверченко 1915 года особенно хорошо запомнились будущему писателю. 14 октября 1916 года друг юности Булгакова А. П. Гдешинский сообщил Надежде Булгаковой-Земской: «От Миши получили письмо, полное юмора над своим сычевским положением. Он перефразировал Аверченковское: „Я, не будучи поэтом, расскажу, как этим летом поселился я в Сычевке, повинуюсь капризу судьбы-плутовки...“». ⁷

В своем письме молодой Булгаков сообразно собственным биографическим обстоятельствам переделал рефренные стихотворные строки из юмористического рассказа Аверченко «Как женился Панасюк», напечатанного в сборнике его рассказов «Чудеса в решете» 1915 года, который вышел под маркой «Издания журнала „Новый Сатирикон“»:

Я, не будучи поэтом,
Расскажу, что прошлым летом
Жил на даче я в Терновке,
Повинуюсь капризу судьбы-плутовки.⁸

Можно предположить, что парадоксальное и эффектное название отвергнутого Аверченко рассказа или стихотворного фельетона отло-

⁵ Указатель заглавий произведений художественной литературы (1801–1975): В 7 т. М., 1986. Т. 2. С. 175.

⁶ Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988. С. 60.

⁷ Там же. С. 85.

⁸ Цит. по: Аверченко А. Собр. соч.: В 13 т. М., 2017. Т. 10. С. 45–49.

жилося в памяти Михаила Булгакова и в свой срок было им использовано.

Рискнем сделать еще один шаг и высказать осторожную догадку, что автор «Записок покойника» мог и в 1936 году помнить об источнике заглавия своего романа. Тогда как типичный пример сцены, содержащей «пасхальное яйцо», т. е. шутку для себя самого, можно рассматривать один из эпизодов пятой главы «Записок покойника». В этом эпизоде «молодой человек», визитер главного редактора журнала Ильи Ивановича Рудольфи, напечатавшего большой фрагмент романа Сергея Максудова «Черный снег», в присутствии автора романа (о чем визитер не подозревает) подвергает роман суровой критике, чем-то напоминающей знаменитые разносы из «Почтового ящика» «Сатирикона» и «Нового Сатирикона»: «— Ну, а стиль! — кричал молодой человек. — Боже мой, какой ужасный стиль! Кроме того, все это эклектично, подражательно, беззубо как-то. Дешевая философия, скольжение по поверхности... Плохо, плоско, Илья Иванович! Кроме того, он подражает...»

— Кому? — спросил Рудольфи.

— Аверченко! — вскричал молодой человек, вертя и поворачивая книжку и пальцем раздирая слипшиеся страницы, — самому обыкновенному Аверченко! Да вот я вам покажу. — Тут молодой человек начал рыться в книжке, причем я, как гусь, вытянув шею, следил за его руками. Но он, к сожалению, не нашел того, что искал. „Найду дома“, — думал я.

— Найду дома, — посулил молодой человек, — книжка испорчена, ей-богу, Илья Иванович. Он же просто неграмотен! Кто он такой? Где он учился?»⁹

⁹ Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 4. С. 421–422.

Автор прекрасной работы о Булгакове и «сатириконцах», Мирон Петровский, цитируя этот эпизод, далее приводит фрагмент из мемуаров второй жены писателя, Л. Е. Белозерской-Булгаковой, которая так вспоминала об одной из сцен пьесы «Бег»: «Что касается „тараканьих бегов“, то они с необыкновенным булгаковским блеском и фантазией родились из рассказа Аркадия Аверченко „Константинопольский зверинец“, где автор делится своими константинопольскими впечатлениями тех лет. На самом деле, конечно, никаких тараканьих бегов не существовало. Это лишь горькая гипербола и символ, — вот, мол, ничего иного эмигрантам не остается, кроме тараканьих бегов».¹⁰

Если это действительно так, то перед нами еще одна шутка для себя, ведь никто из многочисленных критиков Булгакова в заимствовании из рассказа Аверченко его не упрекал и упрекнуть не мог, как минимум — потому, что «Бег» при жизни Булгакова не был опубликован или поставлен на сцене.

Лишь сам автор «Записок покойника» тогда знал, кого он обязан поблагодарить за сцену с тараканьими бегами в своей пьесе и, возможно, за заглавие своего неоконченного романа. Самая суть булгаковского отношения к Аркадию Аверченко, по точной формулировке Петровского, состояла «в напитанности — до высокой концентрации — творческой памяти Булгакова аверченковским и всяким иным сатириконством, сыгравшим значительную роль в формировании булгаковского стиля и типологии творчества».¹¹

¹⁰ Петровский М. С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001. С. 217–218.

¹¹ Там же. С. 218.

Олег Андершанович Лекманов

профессор Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека

Oleg Andershanovich Lekmanov

Professor, Mirzo Ulugbek National University of Uzbekistan

ORCID: 0000-0003-0784-5930

lekmanov@mail.ru

**«ЗАПИСКИ ПОКОЙНИКА» М. А. БУЛГАКОВА:
К ГЕНЕЗИСУ ЗАГЛАВИЯ**

**NOTES OF A DEAD MAN BY M. A. BULGAKOV:
CONCERNING THE GENESIS OF THE TITLE**

В заметке идет речь о разделе «Почтовый ящик» двух петербургских юмористических журналов «Сатирикон» и «Новый Сатирикон». Высказывается предположение, что источником заглавия неоконченного произведения Михаила Булгакова, которое в итоге получило название «Театральный роман», а автором было названо «Записки покойника», могло послужить письмо главного редактора «Нового Сатирикона» Аркадия Аверченко, опубликованное в разделе «Почтовый ящик» этого журнала и упоминающее заглавие рассказа «Записки покойника» неизвестного автора, отвергнутого «Новым Сатириконом».

Ключевые слова: М. А. Булгаков, А. Т. Аверченко, «Новый Сатирикон».

The note discusses the «Mailbox» section of two St. Petersburg humor magazines, *Satirikon* and *New Satirikon*. It is suggested that the source of the title of Mikhail Bulgakov's unfinished work, that eventually received the title *Theatrical Novel*, but was called *Notes of a Dead Man* by the author, could have been a letter from the Editor-in-Chief of *New Satirikon* Arkady Averchenko. This letter, published in the «Mailbox» section of this magazine, mentions the title of a short story «Notes of a Dead Man» by an unknown author, rejected by *New Satirikon*.

Key words: M. A. Bulgakov, A. T. Averchenko, *New Satirikon*.

Список литературы

1. Аверченко А. Собр. соч.: В 13 т. М., 2017. Т. 10.
2. Брызгалова Е. Творчество сатириконцев в литературной парадигме Серебряного века. Тверь, 2006.
3. Булгаков М. Собр. соч.: В 5 т. М., 1990. Т. 4.
4. Воспоминания о Михаиле Булгакове. М., 1988.
5. Глуховская Е. А. Инцидент с Эллисом в контексте русского символизма: к истории одного (около)литературного скандала // Русская литература. 2012. № 1.
6. Дьякова Е. Писатели-сатириконцы: Аркадий Аверченко, Тэффи, Саша Черный // Русская литература рубежа веков (1890-е — начало 1920-х годов). М., 2001. Кн. 1.
7. Евстигнеева Л. Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконцы. М., 1968.
8. Николаев Д. Творчество Н. А. Тэффи и А. Т. Аверченко: Две тенденции развития русской юмористики. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1993.
9. Петровский М. С. Мастер и город. Киевские контексты Михаила Булгакова. Киев, 2001.
10. Саша Черный. Собр. соч.: В 5 т. М., 1996. Т. 3.
11. Указатель заглавий произведений художественной литературы (1801–1975): В 7 т. М., 1986. Т. 2.

References

1. Averchenko A. *Sobr. soch.*: V 13 t. M., 2017. T. 10.
2. Bryzgalova E. *Tvorchestvo satirikontsev v literaturnoi paradigme Serebrianoogo veka*. Tver', 2006.
3. Bulgakov M. *Sobr. soch.*: V 5 t. M., 1990. T. 4.
4. D'yakova E. *Pisateli-satirikontsy: Arkadii Averchenko, Teffi, Sasha Chernyi* // *Russkaia literatura rubezha vekov (1890-e — nachalo 1920-kh godov)*. M., 2001. Kn. 1.

5. *Evstigneeva L.* Zhurnal «Satirikon» i poety-satirikontsy. M., 1968.
6. *Glukhovskaia E. A.* Intsident s Ellisom v kontekste russkogo simbolizma: k istorii odnogo (okolo)literaturnogo skandala // Russkaia literatura. 2012. № 1.
7. *Nikolaev D.* Tvorchestvo N. A. Teffi i A. T. Averchenko: Dve tendentsii razvitiia russkoi iumoristiki. Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. M., 1993.
8. *Petrovskii M. S.* Master i gorod. Kievskie konteksty Mikhaila Bulgakova. Kiev, 2001.
9. *Sasha Chernyi.* Sobr. soch.: V 5 t. M., 1996. T. 3.
10. Ukazatel' zaglavii proizvedenii khudozhestvennoi literatury (1801–1975): V 7 t. M., 1986. T. 2.
11. Vospominaniia o Mikhaile Bulgakove. M., 1988.

Екатерина Евгеньевна Дмитриева

ведущий научный сотрудник Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН; ведущий научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Ekaterina Evgen'evna Dmitrieva

Leading Researcher, Institute of Word Literature, Russian Academy of Sciences;
Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0001-9692-8329

katiadmitrieva@mail.ru

**ДИАЛОГ Н. В. ГОГОЛЯ С СОВРЕМЕННОКАМИ,
ИЛИ КАК СОВМЕСТИТЬ ИДЕАЛ ГУМАНИЗМА И АСКЕТИЗМА**

**N. V. GOGOL'S DIALOGUE WITH HIS CONTEMPORARIES,
OR HOW TO COMBINE THE IDEAL OF HUMANISM AND ASCETICISM**

[Рец. на:] *Анненкова Е. И.* О Гоголе и историко-литературном контексте. СПб.: Издательство «Росток», 2023. 536 с.

[Review:] *Анненкова Е. И.* О Gogole i istoriko-literaturnom kontekste. SPb.: Izdatel'stvo «Rostok», 2023. 536 s.

Алла Михайловна Грачева

главный научный сотрудник
Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН

Alla Mikhailovna Gracheva

Chief Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkinskij Dom),
Russian Academy of Sciences

ORCID: 0000-0002-4708-098X

ichnelat@rambler.ru

**МАКСИМ ГОРЬКИЙ:
ПОРТРЕТ НЕИЗВЕСТНОГО НА ФОНЕ ГЕРМАНИИ**

**MAXIM GORKY: PORTRAIT OF THE UNKNOWN
WITH GERMANY AS THE BACKGROUND**